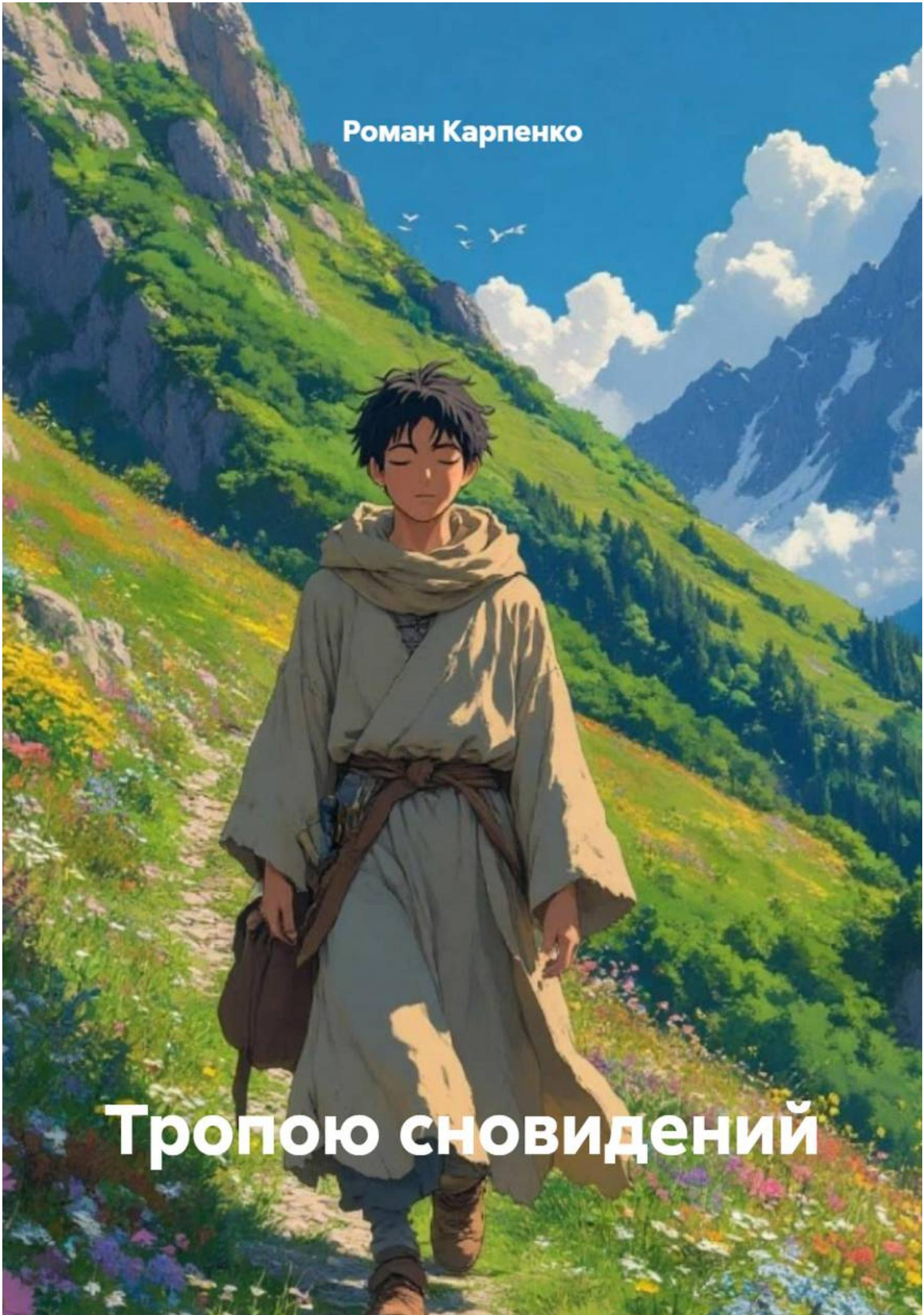
Роман Карпенко
Тропою сновидений

Роман Карпенко

Тропою сновидений

«Автор»
2026

Карпенко Р. Б.

Тропою сновидений / Р. Б. Карпенко — «Автор», 2026

болезнь одного человека, два мира, связанные друг с другом и тайна, которую читатель раскрывает шаг за шагом.

© Карпенко Р. Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Роман Карпенко
Тропою сновидений

Глава 1

Каждую ночь, когда я поднимаюсь по этой каменистой, заросшей чабрецом тропе, мир вокруг не сжимается и не искажается. Он не пытается казаться меньше, чтобы не напугать меня, и не раздувается до чуждых человеку масштабов. Он просто… раскрывается, словно старинный веер из сандалового дерева.

Первым делом я выключаю налобный фонарик. Его резкий, светодиодный, мертвенно-белый луч кажется мне грубым, святотатственным оскорблением для этой древней темноты. Он вырывает куски из живого полотна ночи, превращая тайну в плоскую декорацию. Вместо него я зажигаю маленький фонарик-светлячок, который прошлым летом выменял на три серебряных пуговицы у странствующего торговца на ярмарке у подножия. Тот клялся, что пришёл из земель, где горы умеют ходить. Внутри этого стеклянного, оплетённого медной проволокой флакона тихо звенят, перекатываясь при каждом шаге, густые капли пойманного лунного света. Его мягкое, струящееся фосфорическое сияние не прогоняет тьму, не колет её острыми углами, а словно деликатно приглашает к долгому, неторопливому разговору.

И ночь неизменно отзывается.

Из узких, сочащихся прохладой трещин в сланцевых камнях одна за другой выползают сигасумури — крошечные угольки-букашки. Они покрыты мягким мшистым бархатом, а их круглые глазки светятся, как искры затухающего костра. Сначала появляется одна, потом десяток, и вот уже они следуют за мной живым, тихо потрескивающим изумрудным ручейком, бережно освещая каждый выступ дороги. Воздух здесь густ. Но не от удушливой пыльцы давно забытых, уснувших богов, а от первозданного, честного запаха спящей земли: влажной лиственничной коры, прелой хвои и далеких, невидимых глазу цветов, что распускаются раз в сто лет, строго в полночь летнего солнцестояния. Этот воздух не обжигает легкие тайным знанием, от которого сходят с ума книжные мудрецы. Он делает нечто большее — наполняет грудь тихой, омывающей сердце радостью узнавания. Да, я знаю этот запах. Моя душа помнит его с тех немыслимо далеких времен, когда люди, звери и камни еще пели одну и ту же песню на одном языке.

Тропа под моими подошвами не шепчет испуганно или угрожающе: «Идет, идет…». Она благодарно вздыхает. Каждый мой шаг, выверенный и мягкий, — это легкий, целебный массаж для старой, уставшей, натруженной за тысячелетия спины горы. Стоит на секунду замереть, и я чувствую сквозь тонкую подошву сапог, как под податливой кожей травы и влажного мха дремлет мощный, невероятно медленный, но неостановимый пульс. В этом нет ни капли страха. Только абсолютная, звенящая близость. И в этой близости без остатка растворяется привычная грань между моим телом и лесом, между моим дыханием и ночным ветром, запутавшимся в кронах.

Но среди сотен этих мирных ночей были и другие мгновения. Не те, что грубо выпали из известных нам законов физики, а те, что мягко показали всю иллюзорность и хрупкость этих законов. Они не отняли у меня часть души, не сделали меня чужаком среди людей. Напротив, они подарили мне лишнюю, запасную часть — ту, что изначально принадлежала этому огромному миру.

Все началось даже не с тишины, которая пела, а с тишины, которая вдруг начала прислушиваться к моим шагам. Однажды ночью лес просто… замер. Затаил дыхание, словно огромный зверь перед прыжком или откровением. И тогда привычная тропа плавно разошлась

передо мной на две. Правая вела домой, а левая манила туда, где её никогда не было. Она уходила не в обрыв, не в зияющую пропасть, а в какое-то совершенно другое, параллельное место. Вместо привычного обсидианового серпантина под ногами оказалась пружинящая, упругая дорожка из седого мха. Она уводила в самую чащу, где вековые деревья были настолько велики, что их раскидистые верхушки терялись в перистых облаках, плывущих значительно ниже горных пиков. На их циклопических ветвях висели не птичьи гнезда, а настоящие гнезда тишины — полупрозрачные коконы, сотканные из серебряной паутины и сгущенного лунного света. Внутри каждого из них, едва заметно пульсируя, спало что-то первородное и чистое.

Там, в глубине этого туманного чертога, я встретил не грозное божество и не чудовище из сказок. Я встретил Хранителя. Он был похож на древнего каменного кота размером с хороший, поросший лесом холм. Его могучая спина была покрыта мягким ковром из лишайника и карликовых кривых сосен, корни которых уходили глубоко в его гранитную плоть. Из его огромной, полуоткрытой пасти, где вместо клыков явственно сверкали чистейшие кварцевые жилы, вырывалось ровное, монотонное, удивительно теплое дыхание. Оно пахло озоновой грозой, сухой сосновой хвоей и нагретым солнцем речным песком. Один его глаз, колоссальный и янтарный, напоминающий заходящее за горизонт солнце, был плотно закрыт. Другой же, мерцающий холодным, пронзительным светом прозрачного горного хрусталя, пристально смотрел прямо на меня. В этом взгляде не было враждебности или немого вопроса: «Что ты, букашка, делаешь в моем вековом сне?». В нем читалось спокойное, глубокое, почти ленивое узнавание: *«А, вот и ты. Я уж было подумал, что ты совсем заблудился в своих человеческих мыслях»* .

В тот миг я не почувствовал ужаса или распада. Наоборот, я ощутил, как мое маленькое, суетное, перегруженное дневными заботами человеческое «я» становится удивительно прозрачным, как отмытое весенним дождем стеклышко. И через эту прозрачность вдруг начало мягко светиться что-то гораздо большее, чем я сам. Мои личные воспоминания не отслаивались и не исчезали — они просто бережно вплетались в общий, бесконечный узор мироздания. Уютный треск костра, который в детстве разводила моя бабушка, вдруг стал продолжением треска ветки под тяжелой лапой лесного духа. Вкус первого в жизни сочного яблока плавно смешивался с терпким вкусом дикой земляники, которую я собирал здесь, на этих склонах, неделю назад. Все стало единым.

Хранитель медленно, со скрипом моргнул. И из-под его каменных век, шурша по лишайнику, выкатилась одна-единственная, огромная, кристально прозрачная слеза. Она с глухим стуком упала на мох прямо передо мной, но не разбилась на осколки. Она мгновенно застыла, превратившись в крупную каплю горного хрусталя, внутри которой, если присмотреться, плавно танцевала крошечная, пойманная искорка моего собственного отражения. А всматриваясь в глубину огромного хрустального глаза самого Хранителя, я увидел не магические руны, а живую, подвижную карту. Это была карта не земель или дорог, а ночных снов этой горы. Вот в этой низине сейчас тихо спят ледяные горные реки; вот здесь, укутавшись в туман, снятся сладкие ягоды медведям в берлоге; а вот там, на маленькой, зажатой скалами полянке, прямо сейчас снится тяжелый, удушливый кошмар одинокому заплутавшему путнику. И этот кошмар во что бы то ни стало нужно убаюкать, пока он не отравил душу человека.

Когда я окончательно очнулся, я снова стоял на своей привычной, знакомой до каждого камня тропе. Но мир вокруг уже изменился навсегда. В руке у меня лежала не холодная, безжизненная глыба ночи, а теплый, шершавый, пахнущий землей камень с четким отпечатком. Этот отпечаток напоминал лапу, но не звериную, с когтями, а такую, словно сама сырая земля мягко и с любовью нажала своими ладонями-холмами на глину. А в моем кармане при каждом движении тихо и мелодично позванивала хрустальная слеза Хранителя.

Теперь я поднимаюсь по этой тропе не просто как созерцатель. У меня появилась негласная, тихая миссия. Я — убаюкиватель кошмаров. Когда во время ночного обхода я кожей чувствую, как где-то в густой чащобе или распадке начинает сгущаться липкий, беспричинный

страх, я иду на этот зов. Нахожу то самое место, бережно кладу свой теплый камень-отпечаток на сырой мох и тихонько, вполголоса напеваю старую колыбельную, которую когда-то пела мне бабушка у печи. И черный страх, запутавшийся в ветках, бессильно рассеивается, оборачиваясь легким утренним туманом.

Иногда я оставляю у корней старого дупла кусочек домашнего хлеба или круглую блестящую пуговицу — скромный подарок для кодам, робких древесных духов. Я своими глазами видел, как они — бледные, похожие на полупрозрачные светящиеся грибы с забавными глазками-щелками — робко высовываются из коры и забирают эти подношения своими крошечными, почти невидимыми лапками, тихонько щелкая от восторга.

Я не страж этого порога. Я всего лишь званый, благодарный гость. И моя история — это не мрачное заклинание, призванное вызвать ночной ужас. Она — бережное, тихое приглашение. Приглашение хотя бы раз в жизни выключить этот яркий, плоский, искусственный свет, заставляющий нас бежать куда-то сломя голову, и дать своим глазам привыкнуть к истинному, глубокому, по-настоящему живому сиянию этого мира.

Вы готовы наконец услышать, что текущий по камням ручей поет не просто воду, а пересказывает историю каждого валуна, встреченного им на пути от самой вершины? Готовы увидеть, как ветер не просто слепо дует вам в лицо, а рисует невидимыми, прозрачными красками причудливые узоры на дрожащих листьях осин? Это знание не сделает вашу жизнь проще или безопаснее. Мир и не должен быть безопасным, предсказуемым или упакованным в пластик. Он должен быть живым. Полным великих тайн, пугающей красоты и тихого, древнего, непрекращающегося диалога, в котором и нам, людям, с самого начала времен отведена своя, очень важная и добрая роль.

Так что спросите себя, друзья мои, прямо сейчас, слушая привычный, монотонный шум огромного города за своим окном: может быть, и в этом бетонном лабиринте живет свой собственный дух? Усталый, чихающий от бензинового дыма, покрытый серой городской пылью, но все еще отчаянно мечтающий о бескрайних зеленых лесах и чистых звездах? Может быть, именно сегодня стоит выйти на балкон или приоткрыть окно, вглядеться в темноту и тихо сказать ему: «Я здесь. Я слышу тебя. Давай послушаем эту ночь вместе»?

Глава 2

Значительное время утекло с тех пор, как я примерил на себя тихую роль «убаюкивателя кошмаров». Моя жизнь окончательно разделилась на суетный дневной мир людей и эту ночную, подлинную реальность склонов. Кристальная хрустальная слеза Хранителя, подвешенная на простом кожаном шнурке у самого сердца, стала моим чутким компасом: она едва слышно, мелодично звенела всякий раз, когда в лесных распадках начинала сгущаться липкая, беспричинная тревога. В те же мгновения шершавый камень-отпечаток в моем кармане наливался густым, пульсирующим теплом, точно указывая дорогу к очагу невидимой беды.

Постепенно я перестал чувствовать себя чужаком в этих сумерках и начал безошибочно узнавать своих невидимых соседей. Теперь я подолгу заворожённо наблюдал, как нуру-кабуто — крошечные, пугливые духи росы, похожие на капли живой ртути — туманными утрами бережно катят свои хрустальные шарики по тончайшим нитям паутины, оставляя за собой тающие радужные следы на траве. Я научился различать в шорохе листвы едва уловимый, бисерный смех дзю-би-би — миниатюрных летучих мышей с хрупкими крыльями из живых лепестков белой магнолии. Эти удивительные создания никогда не знали вкуса крови; они питались исключительно чистым лунным светом и сладким ароматом раскрывающихся ночных цветов, оставляя после своего полета едва заметный шлейф парфюмерной свежести.

Но один из осенних вечеров нарушил этот привычный круговорот маленьких чудес. Вернувшись к своему уединенному дому, когда солнце уже садилось за зубчатый горизонт, я обнаружил на старом деревянном пороге нечто совершенно невозможное. Прямо под косым янтарным лучом заката лежал цветок, которого просто не могло существовать в нашей природе. Он казался сотканным из полуденного зноя и густой вечерней тени одновременно. Его тонкие, шелковистые лепестки непрерывно переливались, меняя оттенок от горячего медово-янтарного до холодного, глубокого фиолетового. А в самой сердцевине, вопреки всем законам физики, мерцала крупная капля росы — она не испарялась на воздухе и не стекала вниз, а жила своей собственной жизнью. Это не было обычным растением. Это был цветок-вопрос, безмолвный цветок-приглашение, оставленный кем-то, кто очень нуждался во мне.

Я не раздумывая последовал за его тихим, едва различимым зовом, который напоминал тонкий звон тончайшего хрустального бокала. Путь был неблизким. Зов вел меня всё дальше от исхоженных троп, сквозь густые заросли папоротника, пока не вывел не на привычную лесную поляну, а на скрытый берег озера из забытых эхо. Вода в этом водоеме поражала воображение: она была абсолютно неподвижной, тяжелой и такой зеркально прозрачной, что казалась просто плотным объемом чистого воздуха. Удивительно, но это озеро не отражало плывущие над ним облака или вечернее небо. В его зеркальной глади, как в огромном архиве, жили осязаемые воспоминания самого леса. Вглядевшись, можно было увидеть, как прямо под поверхностью стремительно пробегает призрачный олень, запечатленный здесь десять лет назад, или как плавно падает сорвавшаяся звезда, сгоревшая в атмосфере добрую сотню зим назад.

А посреди этой застывшей памяти, на огромном, мясистом листе кувшинки размером с хорошую рыбацкую лодку, сидело удивительное существо. Её язык не повернулся бы назвать нечистью, злым духом или монстром. Скорее, она была воплощением не-чистоты — в самом высоком, метафизическом смысле этого слова. Существом, которое по какой-то нелепой случайности просто выпало из обычного, жесткого порядка вещей. Это была Юрэйнэ — загадочная «призрачная кошечка». Ростом она была не больше обычной лесной белки, но её шёрстка, соткана будто из густого лунного тумана, мягко светилась в сумерках. На меня уставились огромные, бездонные глаза-аметисты, в глубине которых, словно песчинки, плавали бесконечно грустные, но удивительно добрые звездочки. На её маленькой голове красовались трогательные крошечные рожки, точь-в-точь похожие на нераскрывшиеся бутоны весеннего лан-

дыша, а хвостик-кисточка при каждом движении оставлял в воздухе серебристый, тающий след, напоминающий искрящийся падающий иней. Она сидела, низко наклонившись, и пристально смотрела на свое гипотетическое отражение в воде. Но в безупречно чистой гладкой поверхности озера под её лапками не было абсолютно ничего. Была лишь звенящая, пугающая пустота. Она не отражалась в памяти этого мира.

Заслышав мои шаги, Юрэйнэ медленно подняла на меня свой тяжелый взгляд. В нём не было паники, страха или безмолвной просьбы о немедленной помощи. В этих аметистовых глазах читалось лишь бескрайнее, всепонимающее и глубокое, как сама вселенная, одиночество.

— Ты потеряла своё отражение? — тихо, стараясь не спугнуть её, спросил я, присаживаясь на влажный мох у кромки воды.

Она едва заметно покачала своей рогатой головой. Её голосок донесся до моего сознания не привычным звуком и даже не оформленной мыслью. Это было скорее какое-то далекое, фантомное, но очень приятное физическое ощущение — будто кто-то невидимый нежно провел по моей обветренной щеке прохладным, шелковистым лепестком ночного цветка.

— Я потеряла своё имя, — беззвучно выдохнула она.

И в этот миг до меня дошел весь ужас её положения. Потерять имя в этом огромном, тонко устроенном фантастическом мире — вовсе не означало просто стать абстрактным «безымянным» существом, у которого нет строчки в паспорте. Это означало нечто куда более катастрофическое: стать одновременно всем и ничем. Ведь имя для любого живого создания — это единственный ментальный крючок, прочный якорь, за который намертво цепляется наше зыбкое сознательное «я». Это уникальный священный сосуд, в который окружающий мир бережно наливает твою личную сущность, очерчивая границы. Без этого сосуда ты неминуемо расплываешься по пространству. Ты растворяешься, превращаясь в бесплотный воздух в порывах ветра, становишься случайным отголоском в шуме прибоя или едва заметным полутоном в птичьем гаме. Ты становишься тенью, отброшенной другой тенью. В таком состоянии ты обречен остро чувствовать скрытые корни каждого столетнего дерева и глубокую, невыносимую печаль каждого угасающего заката, но ты физически лишен возможности сказать самому себе: «Это — я, и это именно я сейчас чувствую». Это не было проклятием в привычном, примитивном понимании. Настоящее проклятие — это когда чьё-то злое имя насильно приковывает тебя к чему-то уродливому и темному. А здесь… здесь разворачивалась тихая, незаметная катастрофа космического масштаба для одного маленького существа. Абсолютное, безграничное освобождение от любых условностей и рамок, которое на деле обернулось вечным, леденящим душу одиночеством. Быть целым миром и в то же самое время оставаться абсолютным ничем — вот какая незавидная участь ей досталась.

Я молча сел на поваленный ствол у берега, и Юрэйнэ, немного помедлив, легким грациозным прыжком перенеслась с кувшинки прямо ко мне на колени. Она оказалась невероятно легкой, легче лебяжьего пуха, и прохладной, как ночной речной камень. От её пушистой шубки веяло тонкими ароматами мокрых лесных лишайников, старой коры и какой-то далекой, пронзительно чистой горной высоты.

— Каким же оно было? Твоё прежнее имя? — прошептал я, осторожно коснувшись пальцами её невесомой спинки.

Она послушно закрыла свои аметистовые глаза. И в ту же секунду в моем собственном сознании, словно яркий кинематографический кадр, расцвел живой, многослойный образ.

Её имя когда-то давно было удивительно похоже на самый первый, робкий луч утреннего солнца, с трудом пробивающийся сквозь плотную, вековую толщу исполинских кедров — оно было золотистым, удивительно теплым и полным невысказанных обещаний. В его созвучии отчетливо слышался глухой, мягкий звук падающей в сочный зеленый мох спелой, наливной хурмы — звук округлый, сладкий и земной. Внутри этого имени трепетала воздушная тень редкой бабочки-парусника, искрился неоновый перелив радуги на тончайших крыльях стре-

мительной стрекозы и ощущался терпкий, вяжущий вкус спелой лесной черники. Оно неуловимо пахло сизым дымком осеннего костра, разведенного из сухих листьев горного клена, и звенело, точно крошечный колокольчик, искусно выточенный мастером из прозрачного озерного льда. Это было не просто буквосочетание. Это было великое имя-благодарность, данное ей когда-то давно могущественным духом горного родника за то, что она долгими ночами без устали убаюкивала его своими нежными песнями, когда тот тяжело и долго болел от ядовитых стоков грязного человеческого ручья. То имя было одновременно и песней, и редким цветком, и нерушимым обещанием верности.

А потом наступили другие времена. Люди постепенно перестали приходить к тому священному роднику. Перестали благоговейно шептать свои сокровенные желания, перестали приносить скромные дары и искренне благодарить природу за чистую, целебную воду. Родник зарос бурьяном и грязью, и дух его в конце концов погрузился в беспробудный, мертвенный сон от бескрайней тоски и забвения. А вместе с его сном из памяти этого места безвозвратно стерлось и то прекрасное имя, которое он когда-то подарил своей маленькой утешительнице. Оно бесследно растворилось в монотонном шелесте безразличных листьев, унеслось легким утренним туманом с зеркальной поверхности воды. И Юрэйнэ осталась одна, навсегда лишившись своего главного якоря в этой реальности.

Мы долго сидели в абсолютном молчании. Я мерно гладил её прохладную, струящуюся под пальцами шёрстку, а она грустно смотрела на озеро забытых имён. И вдруг, присмотревшись к застывшей воде, я заметил странное движение. Я увидел там не дела давно минувших дней, а самое настоящее настоящее: в бездонной глубине озера медленно скользила едва заметная тень её потерянного имени. Оно плавало там, внизу, словно пугливая стайка глубоководных светящихся рыбок. Это были разрозненные, хаотичные обрывки золотого света, случайные капли сладкого звука падающей хурмы, мимолетные лоскуты забытого осеннего аромата. Имя было по-прежнему живо, оно не погибло, но оставалось абсолютно недостижимым, словно прекрасный, яркий сон, который ты только что видел, но никак не можешь вспомнить после пробуждения.

— Что же нам теперь делать? — едва слышно прошептал я, обращаясь скорее к самому себе и к мудрой ночи.

Юрэйнэ медленно перевела взгляд на хрустальную слезу, мерцающую у меня на груди, а затем — на теплый камень-отпечаток земли. И в её аметистовых глазах впервые за всё время мелькнула не человеческая надежда (надежда — слишком сложное и хрупкое чувство для духов), а чистое, детское любопытство. Любопытство первооткрывателя, который внезапно увидел, как линии судьбы сплетаются в совершенно новый, невиданный ранее узор.

И в этот момент меня осенило. Я всё понял. Проклятие — это когда имя дано тебе чужой, грубой силой и намертво приковывает тебя к определенному месту или роли. Истинное освобождение — когда имя добровольно выбрано тобой и несется через жизнь как драгоценный дар. Но ситуация Юрэйнэ была уникальной, принципиально иной. Её имя не было грубо отнято колдуном или украдено врагом. Оно было просто… отпущено вселенной на абсолютную волю. И теперь оно жило своей собственной, независимой автономиной жизнью в великой памяти мира, подобно тонкому благоуханию давно исчезнувшего с лица земли цветка. Так может быть, и не нужно пытаться поймать его, запереть обратно в тесные рамки одного слова? Может быть, её новая миссия заключается в том, чтобы научиться чутко слышать его вечное эхо в шепоте столетних листьев и безошибочно узнавать его золотой след в угасающих лучах вечернего заката?

Я аккуратно взял её крошечную, невесомую лапку с серебряными коготками и бережно положил её на свой теплый, пахнущий жизнью камень-отпечаток.

— Я не всесилен, маленькая Юрэйнэ, и я не могу дать тебе новое, постоянное имя, — мягко сказал я, глядя в её аметистовые глаза. — Но я могу стать для тебя тем единственным

существом, которое всегда будет помнить, что у тебя оно было. И что оно было неописуемо прекрасным. А ещё… — я сорвал росшую у ног сочную зеленую травинку, приставил её к губам и легко подул. — Я могу научить тебя совершенно новому искусству. Я научу тебя бережно собирать новые имена. Пусть у тебя не будет одного большого, тяжелого имени-якоря. Вместо этого ты будешь собирать сотни, тысячи маленьких, мимолетных имен. Сегодня ты возьмешь себе имя от звонкого шума этого горного ручья. Завтра — имя от причудливой формы вон того грозового облака. А послезавтра — имя от терпкого, свежего запаха только что прошедшего грибного дождя. Отныне ты больше никогда не станешь кем-то одним, запертым в клетку определенности. Ты станешь многоголосым хором, маленькой, прекрасной и живой вселенной ускользающих воспоминаний этого леса.

Юрэйнэ замерла, словно глубоко задумавшись над моими словами. Она прислушивалась к внутренним ощущениям. Затем она медленно подняла голову вверх, к первым зажигающимся звездам, и впервые за весь этот долгий вечер с её нежных рожек-бутонов сорвалась крошечная, ослепительно сияющая капля сока. Она с тихим всплеском упала прямо в зеркальное озеро забытых эхо, и по идеально неподвижной воде плавно побежали безупречные круги. И в каждом из этих расширяющихся кругов на долю секунды вспыхивало и тут же гасло древнее эхо: то промелькнет обрывок теплого золотого света, то раздастся сочный звук падающей в мох хурмы, то повеет дымом кленовых листьев… Её старое, потерянное имя откликалось на её новый статус. Оно не вернулось обратно в её тело, но между ними навсегда протянулась прочная, невидимая серебряная нить связи.

Она не обрела прежние жесткие границы. Но она нашла нечто большее — гармонию со своим прошлым. А я в ту ночь обрел преданного, удивительного проводника в мир самых тонких, едва различимых и невесомых лесных чудес. Ведь тот, кто на собственной шкуре познал истинную цену и хрупкость имени, лучше всех остальных способен слышать безмолвную, скрытую музыку этого мира.

И теперь, в самые тихие, укутанные туманом ночи, я часто вижу с порога своего дома, как на далекой, залитой лунным светом поляне маленькая призрачная кошечка вдохновенно танцует под дивную мелодию, которую никто, кроме неё, не в силах услышать. И в этом танце она по крупицам, бережно и неторопливо, собирает свою новую, причудливую, бесконечно изменчивую и прекрасную сущность — сущность, сотканную из звенящей ночной тишины, аромата магнолий и мерцающей звездной пыли.

Глава 3

Это началось не со стремительного взмаха крыльев, не с раската грома и не с внезапного удара стихии. Это началось с тихого, почти неосязаемого зова. Он звучал не в ушах, не в пространстве комнаты, а где-то в тонком зазоре между бьющимся сердцем и самыми глубинными, дочеловеческими воспоминаниями. Так возвращается давно забытая, колыбельная мелодия, которая вдруг всплывает на поверхность сознания в самый неожиданный, звенящий момент — когда затихает суетный дневной ум и ты остаёшься один на один с мерным, таинственным шёпотом собственной теплой крови.

Мой камень-отпечаток, который долгие месяцы излучал ровное, привычное тепло у меня на груди, вдруг замер, словно живое существо, прислушавшись к чему-то бесконечно далёкому. А мгновение спустя он мягко заструился изнутри. Твердая порода заискрилась тысячами мельчайших, подвижных пузырьков серебряного света, будто внутри этого кусочка застывшей горной памяти внезапно пробудился и забился подледный родник.

Юрэйнэ, дремавшая до этого на подоконнике в последних, косых лучах заходящего солнца, мгновенно приоткрыла свои огромные звездные глаза, в которых вечно плескалась тихая, мудрая грусть вселенной. Её пушистый хвост цвета лунного тумана, расслабленно обвивавший крошечное тельце, замер стрелой. Острые ушки с кисточками настороженно дрогнули, улавливая такие тонкие вибрации эфира, которые были недоступны даже чутким лесным зверькам.

Воздух в моей старой бревенчатой хижине внезапно затаил дыхание. Он сделался густым, осязаемым, сладким и неподвижным, как свежий липовый мёд. Казалось, даже мириады золотых пылинок, лениво купавшихся в последнем пурпурном луче солнца, застыли в почтительном, священном ожидании, превратившись в сияющую парящую вуаль.

Затем последовал не толчок и не порыв сквозняка, а ласковое, но неодолимое настойчивое течение. Было такое ощущение, будто кто-то невидимый, бесконечно добрый и сильный взял меня за руку и мягко потянул за собой в открытое окно. В этом мимолетном касании, похожем на прикосновение прохладного шёлка к разгоряченной щеке, отчетливо прозвучал зов. Это не было именем или членораздельным словом. Это было целое, развернутое во времени обещание великого пути — мгновенное ощущение бескрайней, пронзительной лазури над облаками, отчетливый шелест тысяч крыльев перелётных журавлей, выстраивающихся в клинья и рисующих на небесах невидимые иероглифы, и тихое, вековое перешёптывание горных вершин, рассказывающих друг другу древние сказки о вечном снеге и первом утреннем солнце.

Сорифу. Странник небесных троп, древний великий рассказчик и ненасытный коллекционер свободных ветров, вдохновенный певец пустоты и наполнитель парусов ищущих кораблей.

Он не вошёл в скрипнувшую дверь. Он плавно выплеснулся из самого комнатного воздуха, как отражение полной луны проявляется в спокойной воде — сначала неясное, колеблющееся марево, а затем всё более чёткое, осязаемое и настоящее. Сперва это был лишь переливающийся перламутром туман, причудливо танцующий в луче угасающего света и отбрасывающий на бревенчатые стены яркие радужные блики. Но постепенно сквозь эту дымку стали проявляться его истинные очертания.

Сорифу обладал длинным, гибким, струящимся телом, похожим одновременно на бесконечный шёлковый шарф, подхваченный бешеным порывом, и на сизый дым от ритуального костра из ароматных высокогорных трав. Бесчисленные полупрозрачные ленты-плавники, тонкие и нежные, как лепестки дикой орхидеи, непрерывно колыхались в своём собственном, неспешном и завораживающем ритме. Было ощущение, что это удивительное существо дышит

не кислородом, а самой чистой гармонией абсолютного движения. Вместо привычного лица у него была мягко вращающаяся, гипнотическая и успокаивающая спираль. Она казалась сотканной из розовых лепестков цветущей сакуры, золотых солнечных зайчиков, пойманных в полёте, и кристальной ночной прохлады. От Сорифу веяло невероятной свежестью, какая бывает только после сильного летнего дождя, тонким запахом далёких, нетронутых человеком снежных вершин и той самой сладкой, щемящей свободой, которая кружит голову под самым куполом высокого, бездонного неба.

Он не говорил со мной звуками. Его голос шептал прямо в мою душу, и этот шёпот рождался где-то глубоко внутри меня, будто моя собственная, самая сокровенная и давно забытая мысль вдруг обрела голос, плоть и первозданную мудрость.

«Ты долго ходил моими земными тропам, маленький убаюкиватель, — беззвучно звенел Сорифу. — Ты чутко слушал мои песни в густой листве — и тогда, когда она поёт радостным хором под натиском бури, и тогда, когда она едва слышно вздыхает в одиночестве сумерек. Ты дышал мной, вбирал меня в себя с каждым вдохом, но до сих пор не узнавал моего истинного лица в причудливом узоре бегущих облаков. Ты успешно успокаивал сны земли, бережно убаюкивал её тяжелые ночные кошмары, но ты ещё не слышал тех светлых, чистых сказок, что я каждую ночь рассказываю далеким звёздам. Пришло твое время. Время отпустить тяжелую землю из пяток, почувствовать, как твое тело становится лёгким, словно одуванчиковый пух, и без страха довериться великой пустоте под ногами»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.